

*Эта книга посвящается
Донни де Сен-Совёр*

Глава I

БАЛ ЧУДОВИЩ

1

Когда на каком-нибудь празднестве ожидалось прибытие того или иного министра, полицейская префектура была обязана направлять туда блюстителей порядка во главе с офицером; вот почему во вторую половину весны не проходило и дня, чтобы у подъезда дома какого-либо академика или редактора солидной газеты, герцогини, видного адвоката или крупного банкира не располагался наряд специальной охраны, который регулировал уличное движение и выстраивал автомобили длинной цепочкой.

На каштанах, окаймлявших улицы, «догорали» последние белые свечи; на лужайках Тюильри у ног мраморных статуй и юных парочек, застывших на скамейках в страстном поцелуе, пламенели тюльпаны.

Итак, каждый вечер, между пятью и восемью часами, в узких переулках возле Лувра и на запруженной площади Оперы, позади огромных зеленых автобусов, битком набитых ехавшими с работы усталыми людьми, быстро катился поток личных автомобилей: в них, нетерпеливо ерзая на кожаных подушках, восседали сильные мира сего или люди, считавшие себя таковыми либо желавшие таковыми стать. И для любого из них каждая потерянная минута служила источником жестоких терзаний.

Весенний сезон в Париже был в самом разгаре.

Три сотни светских дам одна за другой переставляли с места на место мебель в своих гостиных и до блеска

начищали столовое серебро, приглашали официантов из одних и тех же ресторанов, опустошали одни и те же цветочные магазины, заказывали у одних и тех же поставщиков одинаковые печенья и пирожные, выстраивали целые пирамиды одинаковых бутербродов из пшеничного или ржаного хлеба с одними и теми же салатами или анчоусами; после ухода гостей хозяйки неизменно обнаруживали, что их квартира выглядит так, будто в ней побывала на постое целая армия: на диванах валялись пустые бокалы и грязные тарелки, ковры были прожжены сигаретами, скатерти покрыты пятнами, на инкрустированных столиках виднелись липкие кружочки от рюмок с ликерами, а цветы, отравленные дыханием множества людей, бессильно клонили долу увядшие головки; и тогда элегантные дамы без сил опускались в кресла и неизменно произносили одну и ту же фразу:

— А в общем все прошло очень мило...

И на следующий день — либо уже в тот же вечер — они, превозмогая мнимую или действительную усталость, устремлялись на точно такие же приемы.

Ибо все те же сотни людей, составлявших цвет парламента, литературы, искусства, медицины, адвокатуры, самые могущественные финансисты и дельцы, самые примечательные из приезжих иностранцев (а они зачастую специально приезжали ради такого рода приемов и раутов), самая многообещающая и ловкая молодежь, самые богатые из богатых, самые праздные бездельники, самые сливки аристократии, самые светские завсегдатаи светских салонов встречались здесь, толклись в духоте, улыбались, обнимались, лобызались, злословили и ненавидели друг друга.

Появление новой книги, премьеры нового фильма, сотый спектакль, возвращение какого-либо путешественника, отъезд дипломата, очередной вернисаж, новый

рекорд пилота — все служило поводом для подобных сборищ.

Каждую неделю какой-либо кружок с помощью прессы открывал нового «гения», ему суждено было блистать два-три месяца, после чего он угасал в удушающей атмосфере собственного успеха подобно тому, как угасает факел в собственном чаду.

Париж в ту пору демонстрировал наряды, драгоценности, украшения — все, что производила промышленность, служа искусству и моде. Воображение и вкус, равно как и деньги, без счета расходовались на туалеты, драгоценности и украшения.

Столица Франции являла собой величайшую ярмарку тщеславия, пожалуй единственную в мире! Что же побуждало этих людей устраивать у себя приемы и ходить на приемы к другим, приглашать к себе в гости и самим бывать в гостях, делать вид, будто им необычайно весело, хотя на самом деле им было смертельно скучно танцевать из учтивости с теми, кто был им неприятен, и — из ложной скромности — не танцевать с теми, кто был мил их сердцу, огорчаться, если их фамилия отсутствовала в списке приглашенных, и притворно жаловаться всякий раз, когда они получали очередное приглашение, восторгаться творениями, авторов которых они презирали, и самим сносить презрение от тех, кем они восхищались, заискивающе улыбаться лицам, которые оставались к ним равнодушными, громко заявлять о своей мизантропии, о своем стремлении бежать от шумного света и расточать в этой незамысловатой игре свое время, силы и состояние?

Дело в том, что на этой ярмарке, где всякий был одновременно и продавцом, и покупателем, где каждый что-либо предлагал и ему самому что-либо предлагали, происходил самый тонкий товарообмен на свете — его предметом были могущество и успех.

Так как успех и влияние — что бы ни говорилось обычно — не продаются: ими только обмениваются.

Самодуров по природе, людей, злоупотребляющих властью, прирожденных взяточников, мздоимцев, лизоблюдов, содержанок по призванию на свете гораздо меньше, чем принято думать.

Правила игры гораздо тоньше: тут все основано на взаимных услугах, это упорный труд «человеческих пауков», ибо каждый, желая соткать паутину, должен помогать другим заниматься тем же.

Ярмарка тщеславия была вместе с тем и ярмаркой женщин и мужчин, ибо влияние и успех лишь прокладывают путь к любви, если только они, в силу необходимости, не заменяют ее...

Представители власти, принимая, как и другие, участие в этом смотре истинных и фальшивых ценностей, сообщали ему тем самым официальный характер.

Ночью фронтоны величественных зданий освещались мощными прожекторами, придававшими архитектурным ансамблям, барельефам, колоннадам и балюстрадам нереальный феерический вид. Фонтаны на площади Согласия были окутаны светящейся водяной пылью. По лестницам театров, получавших государственные субсидии, мимо гвардейцев, стоящих по краям ступеней в белых лосинах и касках с конскими гривами, поднимались высшие сановники Республики, дабы представлять на пышных празднествах, из приличия именовавшихся благотворительными.

Сверх всего прочего в тот год должна была распахнуть свои двери Всемирная выставка — последняя в длинном ряду таких выставок, происходивших с 1867 года; выставки эти породили пять поколений павильонов, отделанных под мрамор, множество рекламной литературы и золотых медалей. Словом, тем летом

в Париже ожидалось два «сезона», и к участию во втором из них предполагалось, хотя бы частично, привлечь народ — потому что время от времени это приходится делать.

2

Симон Лашом приехал на вечер к Инесс Сандоваль за несколько минут до того, как часы пробили полночь. Двенадцать дней назад он получил такое приглашение:

*Графиня Сандоваль
надеется видеть Вас у себя
в числе близких друзей
на БАЛУ ЖИВОТНЫХ
(в передней Вы найдете маску,
которую придумал
и нарисовал специально для Вас
Ане Брайа)*

«Ага, — сказал себе Симон, — в это время года она охотно именуется графиней. Оно и понятно — ведь сейчас Париж наводнен иностранцами...»

Действительно, зимой, драпируясь в изысканно простую тогу литературной славы, поэтесса на время отбрасывала свой титул.

Огромная квартира Инесс Сандоваль, расположенная, а вернее сказать, построенная над вторым этажом старинного особняка на Орлеанской набережной, своим убранством напоминала просторную каюту капитана пиратского корабля. Поэтесса любила драгоценные камни без оправы — она держала их в позолоченных дароносицах, — тяжелые старинные шелка с бахромою по краям, православные кресты, статуэтки испанских мадонн с ожерельями из потускневшего жемчуга на шеях, гитары самых причудливых форм и массивные лари эпохи Возрождения из дерева дымчатого оттенка.

Расшитые золотом парчовые драпировки из двух полос заменяли двери.

В передней стояла большая вольера: ее населяли голубые попугаи, желтые канарейки, пестрые колибри, наполнявшие воздух громким щебетанием и приторным запахом перьев. Ангорские коты с густой светлокоричневой шерстью при виде входящих бесшумно убежали в коридоры, а в их золотистых глазах, казалось, можно было прочесть тайные укоры совести или просто печаль о том, что они кастрированы.

Убранство передней довершали фигуры зверей и птиц под стеклянными колпаками: попугаи из саксонского и севрского фарфора, у которых словно замер в горле крик, большие фаянсовые мопсы, сидевшие на ковриках, деревянные черепахи в настоящих панцирях, развешанные по стенам причудливые изображения тигров и ягуаров, бьющие в барабан кролики, плюшевые бегемоты, каких обычно дарят детям.

Пристрастие к животным и подсказало Инесс Сандоваль идею ее бала-маскарада.

— Добрый вечер, господин министр. Тут, кажется, приготовлена маска для вашего превосходительства, — сказал Симону слуга в черном фраке.

«Откуда этот малый знает меня?» — подумал Симон. Потом он сообразил, что этот лакей раз шесть за последнюю неделю подавал ему напитки и в шести различных передних протягивал шляпу и перчатки.

На большом столе, где в начале вечера были сложные звериные маски обитателей зоологического сада, теперь оставалось лишь несколько масок; внимательно оглядев их, слуга подал министру спрута, сделанного из картона и тюля.

Симон улыбнулся своим воспоминаниям.

В дни их недолгой связи (в любовной хронике Лашома Инесс Сандоваль следовала за Мартой Бонфуа) поэтесса обычно говорила ему:

— Ты мой обожаемый спрут. Руки твои сжимают меня и увлекают в подводные глубины блаженства.

И вот — девять лет спустя — эта маска осьминога деликатно напоминала о прошлом.

«Только бы не было фотографов, — мелькнуло в голове у Симона. — Впрочем, если они появятся, то уж лучше быть в маске».

Скопище фантастических существ — полулюдей-полуживотных, вернее, полулюдей-получудовищ — походило на кошмар. «Ближих людей» набралось около двухсот, и их громкие голоса порою заглушали звуки музыки. Для бала Инесс Сандоваль ультрасовременный художник Ане Брайа видоизменил животное царство: рожденные его воображением маски населили мир фантастическими существами, он на собственный лад переделал все то, что Иегова создал в пятый день творения. Взъерошенные совы с фиолетовым оперением и золочеными клювами, гигантские мухи, чьи глаза метали латунные молнии, кролики в леопардовых шкурах, змеи с несколькими языками, на которых было написано: «французский», «английский», «немецкий», «испанский», кошки из гранатового бархата, бараны с проволочным руном, желтые ослы, изумрудные рыбы с торчащими над их головами ручными пилами или игрушечными молотками, моржи с телеграфными знаками на мордах и фарфоровыми изоляторами у висков, лошадиные черепа, майские жуки, покрытые перьями, синие амфибии и зеленые пеликаны щеголяли во фраках и в длинных вечерних платьях. Какой-то кавалер ордена Почетного легиона водрузил на себя голову розового льва, украшенную жандармскими усами. Слоновьи хоботы из гуттаперчи свисали на крахмальные манишки. Обнаженные женские руки с бриллиантовыми браслетами поднимались не для того, чтобы провести пуховкой по лицу, а для того, чтобы поправить гробешок цесарки или рыбий плавник.

Гостям явно понравился спектакль, в котором они участвовали, все забавлялись тем, что входили в роль животных, которых изображали их маски. Со всех сторон неслось кудахтанье, рев, мычание, кваканье. Какой-то сиреневый боров расталкивал толпу и беззастенчиво ворошил своим «пяточком» платья на груди у женщин.

В один из салонов набилось особенно много двуногих чудовищ, и они топтались на месте, раскачиваясь под звуки оркестра. Музыканты были наряжены обезьянами; музыки почти не было слышно. И гостиная эта казалась каким-то адским котлом, где в собственном соку варились уродливые твари, вызванные к жизни кошмарным бредом больного.

Хозяйка дома переходила от одной группы гостей к другой; лицо ее было наполовину скрыто маской диковинной птицы, возле ушей покачивались два больших зеленых крыла, задевавшие всех встречных. То была невысокая женщина с обнаженными смуглыми плечами, ногти ее покрывал лак цвета запекшейся крови, зеленое платье было того же оттенка, что и крылья на голове.

Инесс Сандоваль на ходу чуть покачивала бедрами: это объяснялось тем, что ее правая нога была немного короче левой, но она сумела обратить себе на пользу даже свой физический недостаток. Поэтесса двигалась вперед, словно слегка вальсируя и как бы отбрасывая невидимый шлейф: казалось, она на каждом шагу готова сделать реверанс.

Каждой своей фразой она создавала у собеседника иллюзию, что он имеет дело с необыкновенно благородным и отзывчивым существом.

Когда ее поздравляли с на редкость удавшимся вечером, она отвечала:

— Но я тут ни при чем, абсолютно ни при чем. Все дело в таланте Брайа и в ваших дружеских чувствах.

Ане Брайа, низенький и косолапый толстяк в башмаках с задранными кверху носками, обращал на себя внимание копной спутанных волос и огненно-рыжей бородой; на нем был поразительно грязный смокинг: можно было подумать, что, перед тем как появиться в гостиной, он по рассеянности прижал к груди палитру с красками; выслушивая похвалы, он склонялся в поклоне, выпячивая при этом живот. Лицо его скрывала маска козла, которую он придерживал за деревянную ручку, — то был козел античной комедии¹; язвительная усмешка ясно говорила окружающим: «Недурно я над вами посмеялся, не правда ли?..»

Без сомнения, бал-маскарад обошелся очень дорого, и многие из гостей спрашивали себя, как могла Инесс Сандоваль решиться на такие расходы и каким образом Брайа, постоянно заваленный заказами и вечно сидевший без гроша, умудрился найти время, чтобы нарисовать все эти маски.

Композитор Огеран, вырядившийся тритоном («чтоб наконец дельфину мог сесть Орфей на спину...» — шепнула Инесс на ухо Симону), ухватив Лаптома за лацкан фрака, украшенный орденской ленточкой, увлек его в угол и вполголоса раскрыл ему тайну.

Все объяснялось очень просто: оказывается, сказочно богатая миссис Уормс-Парнелл, гигантского роста старуха, которую Брайа превратил в этот вечер в голубку, заказала полный комплект масок для такого же маскарада, который она собиралась устроить у себя в Америке; кроме того, внезапно возникла мысль обесмертить праздник, выпустив в роскошном издании

---

¹ В Древней Греции комедией называлось представление, развившееся из песен, исполнявшихся во время карнавалов (которого часто изображали в виде козла). В древнегреческой драме «песнь козлов» или «песнь о козлах» (от *греч. tragos* — козел, *ode* — песнь) буквально означает «трагедия».

ограниченным тиражом акварели Брайа со стихотворными надписями Инесс Сандоваль: разумеется, «близким друзьям» неловко будет не подписаться на это издание, оно должно было принести двести тысяч франков чистого дохода.

Какой-то фотограф приблизился почти вплотную к композитору и министру просвещения, увлеченным пересудами, и чуть было не ослепил их. У Лашома вырвался нетерпеливый жест. И в тот же миг при яркой вспышке магния он увидел, что к нему направляется Сильвена Дюаль в маске лангусты. Нарочито небрежная походка актрисы, ее чуть вздрагивающие плечи, пальцы, которые нервно теребили медальон, усыпанный драгоценными камнями, — все говорило Симону о неизбежной семейной сцене, и он поспешил отойти от композитора.

Он взял руку Сильвены с таким видом, словно не встречался с нею в этот день, будто она не была его официальной, признанной любовницей, и машинально поднес эту руку к своей маске.

Он почувствовал, что окружающие их чудовища внимательно наблюдают за ними.

— Теперь ты не станешь отрицать, что без особого труда мог заехать за мною или, на худой конец, прислать свою машину, — проговорила Сильвена. — Я уже не в первый раз замечаю, что, когда тебя привлекает какой-либо бал, правительственные обязанности не мешают тебе освободиться раньше, чем обычно. Разумеется, ради меня не стоило опаздывать даже на пять минут на эту очаровательную танцуюлку, глупее которой трудно себе что-нибудь представить!

На ней было платье из переливчатой ткани цвета морской волны, усеянное блестками; оно плотно облегло бюст и бедра, сужалось к икрам и вновь расширялось у щиколоток, образуя нечто вроде рыбьего хвоста; платье это подчеркивало чувственность, присущую Сильвене и всем ее движениям.

Актриса была вне себя от ярости: во-первых, она не попала в объектив фотоаппарата и потеряла возможность красоваться на газетной полосе рядом со «своим» министром; во-вторых, в маске лангусты, выбранной для нее Инесс Сандоваль, она усматривала обидный намек; в-третьих, Симон Лашом без нее приехал на этот вечер.

С раздражением отбрасывая щупальца из тюля, болтавшиеся у него на груди, Симон ответил, что заседание кабинета министров закончилось раньше, чем предполагалось, а приехал он на этот бал исключительно из дружеских чувств.

— Вернее, потому, что десять лет назад ты спал с хозяйкой дома. Уж мне-то хорошо известно! — отрезала Сильвена. — А когда господин министр посещает своих прежних подружек, он не желает являться к ним вместе со мною, боится подчеркнуть нашу близость! До чего же ты трусливо ведешь себя в присутствии этих женщин, мой бедный Симон!.. Сегодня ты можешь быть доволен — они все тут собрались. Здесь и твоя дражайшая Марта Бонфуа, которая тебе в матери годится, здесь и...

— А у тебя, бедняжки, тут нет ни одного знакомого, никаких воспоминаний, не так ли?! — взорвался Симон. — Ты чиста и невинна, как девственница. Далеко ходить за примерами не придется, разве Вильнер не здесь? — спросил он, протянув руку в том направлении, где стоял высокий плотный человек в маске быка Аписа с золотыми рогами, в котором нетрудно было узнать прославленного драматурга. — И если бы эта, как ты выражаешься, танцуйка происходила в доме кого-либо из твоих дружков, ты бы нашла ее великолепной.

Сквозь прорези масок лангуста и спрут бросали друг на друга взгляды, полные ненависти. Оба старались говорить тихо, как будто вели среди шумного веселья интимную беседу. Но их собственные голоса гулко отдавались под картонными масками, наполняли жужжанием их уши и распаляли злобу.

— Во всяком случае, я никогда не стыжусь появляться с тобою на людях, — продолжала Сильвена.

— Еще бы, тебе это только на пользу, — отпарировал Симон.

Ценою долгих и упорных усилий, нажима, интриг ему недавно удалось добиться, чтобы Сильвену приняли в труппу театра «Комеди Франсез», и он полагал, что получил право несколько недель пожить спокойно.

— Негодяй! Негодяй и... к тому же невежа, — прошипела Сильвена. — Ну что ж! Если так, забавляйся в свое удовольствие, мой милый, я тоже постараюсь не терять времени.

Их разговор был прерван появлением лакея, разносившего на подносе напитки.

«Она всю жизнь останется потаскушкой», — подумал Симон, удаляясь. И ему показалось, что с их связью надо непременно и поскорее покончить. Но он уже твердил себе это пять лет подряд. Еще никогда он так часто не думал о разрыве с любовницей, как во время своей связи с Сильвеной. Должна же эта мысль в один прекрасный день осуществиться!

«Если человек не решается бросить женщину, которую презирает, то, может, и сам он достоин презрения?» — вот вопрос, все чаще и чаще приходивший в голову Симону.

И он спрашивал себя, где та женщина, которая поможет ему освободиться от Сильвены. За последнее время у него было несколько мимолетных любовных приключений, о которых он умалчивал, но ни одна из этих случайных подруг не внушила ему истинного чувства.

Кто же ему когда-то сказал?.. Кажется, Жан де Ла Моннери — да-да, именно старый поэт однажды сказал ему: «Позднее вы сами убедитесь, что начиная с определенного возраста мы влюбляемся в женщину лишь потому, что хотим освободиться от другой. И с этой поры наши романы приносят нам только адские муки».

На костюмированных балах, особенно на балах такого рода, все очень быстро узнают друг друга, и если гостям не удастся угадать, кто скрывается под той или иной маской, значит, эти люди им не знакомы. И потому гости Инесс Сандоваль были заинтригованы внезапным появлением таинственной пары: буйволы, совы, кролики, носороги собирались в кружки, клювы наклонялись к мохнатым ушам, повсюду слышался один и тот же негромкий вопрос: «Кто это?»

Вновь прибывшие были очень молоды и, насколько можно было судить, очень хороши собой. У юноши — высокого и тонкого, казавшегося особенно стройным благодаря фракку, — были изящные белые руки, красиво выступавшие из манжет; он благородным движением поднимал к лепному потолку голову белого оленя, увенчанную длинными серебряными рогами. Девушка (а может стать, молодая женщина — об этом невозможно было судить) была в белом платье, походившем на античное одеяние; ее лицо скрывала маска черной лани. Она была великолепно сложена; ее фигура не отличалась таким изяществом, как фигура юноши, но гибкое девичье тело привлекало красивой округлостью форм.

«Эта девочка, должно быть, восхитительна», — подумал Симон, провожая взглядом парочку, направляющуюся к Инесс Сандоваль; из любопытства он тоже подошел к поэтессе.

— Дорогой друг, пригласите потанцевать прелестную незнакомку; у нее с вами много общих воспоминаний, хотя она о том и не подозревает, — обратилась Инесс к Лашому.

— Кто же она? — шепотом спросил он.

— Нет, мой милый, — воскликнула поэтесса, — пусть она сама вам скажет, если захочет! Сегодня вечер тайн.

И она удалилась, увлекая за собою юношу в маске оленя.

Музыканты-обезьяны играли танго, и танцоры медленно двигались, покачивая своими фантастическими головами.

Рука Симона обняла талию незнакомки. Сквозь плиссированный шелк платья он ощутил гибкую, упругую спину. Он знал, что танцует плохо, но в темноте это не имело значения. Достаточно было только подчиняться движению толпы. Юный стан его партнерши, не слишком податливый, но и не сопротивлявшийся, ее грациозные движения и почти невесомая спокойная рука, доверчиво лежавшая в его руке, — все наполняло Симона удовольствием и смутным предчувствием любовного приключения.

— И все же кто вы такая? — спросил он.

Он приготовился к тому, что маска станет интриговать его, прибегнет к нехитрой игре: «Угадайте!..» — «Француженка?..» — «Нет, не француженка...» — «Замужем?» — «Тоже нет... Горячо, холодно...»

Незнакомка посмотрела на танцующих и сказала:

— Вы не находите, что это напоминает картины Иеронима Босха?

У нее был звонкий, хорошо поставленный голос.

Потом она просто прибавила:

— Я Мари-Анж Шудлер.

— Быть не может! — воскликнул Симон. — Вы — дочь Жаклин и Франсуа? О! Как это необыкновенно! Теперь я понимаю, почему Инесс...

От изумления он сбился с такта и, словно это могло помочь ему увидеть лицо девушки, машинально поднял свою маску.

Глазные впадины спрута, зиявшие надо лбом Симона, и щупальца, сбегавшие на его манишку, придавали ему вид неведомого и злобного морского божества, внезапно всплывшего из бездонных пучин.

— Я Симон Лашом, — проговорил он.

— О да! Вы и в самом деле хорошо знали всю нашу семью, — произнесла Мари-Анж Шудлер, ничем не вы-

казав своего удивления. Немного спустя она прибавила: — Я очень польщена, что танцую с вами, господин министр.

Симон так и не понял, была ли в этих словах вежливая ирония, или они были просто продиктованы почитительностью.

Но маску Мари-Анж так и не сняла.

— А ведь всего минутой назад, — снова заговорил Симон, — я как раз думал о вашем деде Жане де Ла Моннери... Знаете, я помню вас совсем крошкой. И вот теперь... Жизнь поистине удивительна!.. Впрочем, если разобраться, все это, в сущности, совершенно естественно и поражает только нас самих... Мари-Анж! — прошептал он, словно желая убедить себя в чем-то неправдоподобном.

И внезапно в уме Симона пронеслись воспоминания десяти-, пятнадцати- и даже семнадцатилетней давности.

В самом деле, что такое пятнадцать лет в человеческой жизни? И вдруг они обрушиваются на вас, как лавина!

— Сколько же вам теперь лет?

— Двадцать два.

— Да, конечно... — пробормотал Симон.

Итак, девочка, которую гувернантка держала за руку в день торжественных похорон поэта, шалунья в белых носочках, игравшая в саду на авеню Мессины, превратилась во взрослую девушку, в молодую женщину, чье тело волновало его своей близостью и тайной... И Симон ощутил то изумление, какое обычно испытывают люди, внезапно обнаружив, что вчерашние дети выросли, повзрослели, стали независимыми и самостоятельными.

«Девственница она еще или уже нет?» — спросил он себя. Ощущая, как естественно и непринужденно — без вызова, но и без робости — держится она, когда прикасается к нему в танце плечом, грудью или бедром, он был склонен считать, что Мари-Анж уже не девушка...

Непроницаемая под своей маской, она безмолвствовала. «В сущности, я, должно быть, ей уже наскучил. Ей, вероятно, смертельно надоели люди, которые только и делают, что твердят: „Я хорошо знал вашего отца, вашу мать, вашего дедушку!“ Конечно, женщине приятней, когда интересуются ею самой. И потом, если мужчина не хочет, чтобы женщина относилась к нему как к старикашке, не следует, пожалуй, говорить ей: „Я держал вас на коленях, когда вы были еще ребенком“».

— А кто этот молодой человек, с которым вы пришли? — спросил он.

— Мой брат, Жан-Ноэль, — ответила она.

«А, теперь я все понимаю...» — подумал Симон. Он вспомнил, что на днях ему говорили, будто юный Шудлер и Инесс Сандоваль... Лашом поискал глазами обоих, но не нашел.

Почти задев Симона и Мари-Анж своими крыльями, мимо них проплыла в танце огромная бабочка.

— Вы никогда не думали, — спросила девушка, — о том, что некоторые бабочки, живущие всего двое суток, рождаются в пору ненастья? Всю их короткую жизнь льет дождь, и они не представляют себе, что мир может быть иным.

Она проговорила это без аффектации, тем же ровным тоном, каким отвечала на его вопросы.

Симон терялся в догадках: что могла означать эта фраза?

— Ваши слова звучат как стихи Инесс Сандоваль, — заметил он.

— Да?.. Очень жаль, — вырвалось у девушки.

— Почему? Разве вы ее не любите?

— Нет, отчего же. — Ответ Мари-Анж прозвучал так же бесстрастно и холодно, как и все, что она говорила.

Картины Босха... Бабочки, рождающиеся в пору ненастья... Эта девушка поразила воображение Лашома, ее непросто было понять... А быть может, она кажется столь непроницаемой лишь в силу своей молодости.

— Не хотите ли выпить бокал шампанского? — предложил он.

Он жаждал расспросить Мари-Анж, узнать, как она живет, чем занимается, помолвлена ли она...

Узнать ему удалось лишь одно: она работает в салоне мод.

4

Тем временем Инесс Сандоваль увлекла Жан-Ноэля Шудлера в переднюю, к вольере. Звуки оркестра и шум голосов звучали здесь приглушенно, смягченные парчовой портьерой. Попугаи устало хлопали веками и жались друг к другу.

В своей зеленой маске Инесс Сандоваль походила на огромную хищную птицу.

— Почему ты пришел так поздно, милый? — спросила она.

— Из-за бабушки. Это конец. Мы даже боялись, что совсем не сможем прийти, — ответил Жан-Ноэль. — Надеюсь, этой ночью она не умрет.

— Ах, мой бедный мальчик, как это ужасно... Ты очень любишь свою бабушку?

— Нет... — вырвалось у юноши.

И оба рассмеялись, покачивая своими картонными масками.

— Я впервые вижу тебя во фраке, мой прелестный юный олень, — сказала Инесс Сандоваль.

Она взяла его за плечи и легонько повернула, чтобы осмотреть со всех сторон.

«Неужели заметно, что фрак шит не на меня?» — с тревогой думал Жан-Ноэль. У него не было денег, чтобы заказать себе новый фрак у портного. И он пришел на бал во фраке, перешитом из фрака его бывшего отца Габриэля Де Вооса, который обнаружили почти новым и не тронутым молью в одном из шкафов.

Жан-Ноэль был в том возрасте, когда люди еще не умеют смеяться над денежными затруднениями и уверенность человека в себе находится в прямой зависимости от его внешности и костюма. Юноша чувствовал себя в этом перешитом фраке так неловко, будто взял его напрокат.

«Ну, после смерти бабушки все это немного переменится», — подумал он.

— Ты поистине красив, необыкновенно красив, мой ангел, — прошептала Инесс.

Она приподняла маску и, слегка припадая на ногу, остановилась перед зеркалом, чтобы взглянуть, не стерся ли грим на ее лице.

У нее были большие черные глаза — в них, как в горных озерах, порою пробегали фиолетовые огоньки, густые, очень темные волосы, которые она укладывала так, чтобы они слегка ниспадали на шею, смуглая матовая кожа, ровные мелкие зубы. Но все это уже как-то потускнело.

Таинственные жизненные соки, придающие коже шелковистость и мягкость, а волосам блеск и пышность, уже начинали, видимо, у нее иссыхать; на лбу обозначились три тонкие морщинки; эмаль зубов еще не потемнела, но уже потеряла свой ослепительный блеск, а взгляд то горел лихорадочным огнем, то поражал безжизненной вялостью: вспышки молний внезапно уступали место выражению равнодушия и усталости.

Инесс вступила в ту пору жизни, когда физическая привлекательность человека постепенно угасает. Правда, поэтессе было уже сильно за сорок, и многие женщины полагали, что жаловаться ей не на что.

Жан-Ноэлю, который ни на кого больше не смотрел, никого и ничего не замечал, Инесс казалась божеством. Ему только что исполнился двадцать один год. Она была для него не первым любовным приключением, а первой настоящей любовью. Некий ореол, види-

мый лишь ему одному, точно нимб, окружал в его глазах голову Инесс.

Он знал о ней лишь то, что она сама пожелала ему открыть, — историю ее замужеств и вдовства — и поэтому считал ее женщиной, которая много страдала (это, кстати, было правдой), и она сумела внушить ему, что его любовь послана ей в утешение за прошлые муки.

Жан-Ноэль с радостью терял целые дни ради двух часов, которые она уделяла ему (или требовала, чтобы он уделял ей), — беспорядочная жизнь поэтессы не оставляла им больше времени!

Он знал, что в свое время из-за нее покончил с собой какой-то молодой писатель. А ведь еще она перенесла и смерть двух мужей, и потерю ребенка.

Но Жан-Ноэль знал далеко не все — не знал он, в частности, что за Инесс Сандоваль укрепились репутация женщины, приносящей несчастье.

Он взял ее маленькую, сухую и смуглую кисть и крепко сжал в своих белых руках.

— Я люблю тебя, Инесс, — чуть слышно произнес он.

— Да, радость моя, ты должен любить меня, любить бесконечно. Я так нуждаюсь в этом, чтобы жить... — ответила она. — А теперь пойдем... Неудобно надолго оставлять гостей одних.

5

Наступил час, когда утомленные гости начали снимать маски. Одни поднимали их на лоб, наподобие древних шлемов, другие обмахивались ими, третьи забавлялись тем, что обменивались масками и гляделись в зеркала. Те, кто заехал «только на минутку», собирались покинуть бал.

Инесс Сандоваль увидела высокого человека лет шестидесяти, с худой и гибкой фигурой, в клетчатых

брюках, белых носках и узких лакированных туфлях; в руке он со смущенным видом держал голову легендарного единорога.

— Pim, you are not going, I hope!¹ — воскликнула Инесс. И, указав рукой на Жан-Ноэля, она прибавила: — I'd like to introduce you le baron Schoudler... Lord Peemrose... Jean-Noel Schoudler is the great-son of a famous French poet...² Но почему вдруг я говорю по-английски? — прибавила она, смеясь. — Ведь лорд Пимроуз превосходно владеет французским языком.

— Да, я немного изъясняюсь по-французски, — в свою очередь улыбаясь, проговорил почти без всякого акцента лорд Пимроуз.

Жан-Ноэль машинально снял маску — он сделал это из учтивости, как снимают при знакомстве шляпу.

Его лицо сияло необычной белизной, зато синие глаза сверкали темным огнем; волосы, блестящие, как свежая солома, вились мелкими кольцами вокруг ушей; щеки, подпертые высоким крахмальным воротничком, еще сохраняли детскую припухлость.

При виде этого светлого лица, поражавшего своей юношеской красотой, выцветшие глаза лорда Пимроуза, прикрытые морщинистыми веками, на миг заматались, словно напуганные ослепительным светом; казалось, англичанин ищет вокруг что-нибудь менее яркое, на чем его взгляд мог бы отдохнуть.

В эту минуту двое пожилых мужчин, беседовавших на балконе в нескольких шагах от них, разом повернули головы. То были академик Эмиль Лартуа и драматург Эдуард Вильнер. Оба тоже сняли маски; впрочем, внешность Вильнера от этого мало изменилась.

— Всякий раз, когда наша дорогая Инесс произносит «барон Шудлер», — проговорил академик Лартуа, —

---

¹ Пим, надеюсь, вы не уходите! (англ.)

² Разрешите представить вам барона Шудлера... Лорд Пимроуз... Жан-Ноэль Шудлер — внук знаменитого французского поэта (англ.).

мне кажется, что передо мной сейчас возникнет наш старый друг Ноэль, гигант с черными глазами и козлиной бородкой. А вместо него появляется этот белокурый юноша — сущий Ариэль.

Он криво усмехнулся и прикусил губу. Вильнер и Лартуа, правда в разное время, были любовниками поэтессы. Они входили в число тех, кого в обществе именовали «старыми фондовыми ценностями» салона Инесс Сандоваль.

— Она меняет стиль, наша милая Инесс, — продолжал Лартуа. — Заклинательница змей становится воспитательницей птенцов.

— Это наша смена, дорогой друг, — заговорил драматург низким голосом, наклонив свою голову Минотавра. — Мальчишки учатся у наших любовниц тому, чему те сами научились в наших постелях. Именно так и передается любовная наука от поколения к поколению с тех пор, как стоит мир. И в один прекрасный день они просветят своих подружек, которых мы уже не увидим, научат их тем ласкам, какие мы в простоте душевной считали своими открытиями. Мы же к тому времени обратимся в прах...

Он втянул воздух огромными ноздрями и прибавил:

— Сколько вам сейчас лет, Эмиль?

— Семьдесят четыре, — ответил прославленный врач. — Я не чувствую бремени годов, но они, как говорится, при мне.

Волосы у Лартуа совершенно побелели. Но он сохранял еще свежесть кожи, звучный, чуть свистящий голос и держался по-прежнему прямо. Только руки и веки у него высохли.

— А мне через четыре дня стукнет семьдесят шесть, да-да, — проронил Вильнер, скривив большущий рот. — Скоро конец...

Он был задумчив и величествен, но когда говорил, слышалось его хриплое дыхание: казалось, воздух с шумом вырывается из поврежденной трубы органа.

— О, разумеется, я еще способен внушать любовь, — продолжал он. — И меня любят, любят создания весьма изысканные... Я по-прежнему могу сделать женщину счастливой. Как и вы, впрочем, не правда ли, Эмиль? Ведь вы тоже продолжаете удивлять своего врача? — прибавил он, подмигнув. — Мы с вами — старые чудища, сохранившиеся, как в спирту, благодаря нашей славе...

И Вильнер, повернув голову, бросил взгляд на ночную картину города, который вот уже полвека курил ему фимиам и окружал любовью, города, откуда он черпал ощущение собственного могущества и сюжеты для своих произведений.

Воздух был напоен благоуханием, небо усеяно звездами.

Дома сбегали уступами, светясь множеством окон. Неясная розовая дымка — обманчивая заря столиц, рожденная сотнями тысяч огней, — мягко окутывала крыши. Время от времени резкий луч автомобильных фар прорывал эту дымку, вонзая в темное небо ослепительный клинок, и тут же угасал.

Звуки музыки придавали ночному пейзажу какое-то сказочное очарование.

Высокие вяза, растущие на краю острова Сен-Луи, чуть покачивались, как корабельные мачты. Массивные арки собора Парижской Богоматери казались в темноте подводной частью гигантского корабля.

Внизу, под балконом, черной вереницей выстроились автомобили гостей. Шоферы, опершись о гранитный парапет, смотрели на темную поверхность реки; порою один из них швырял в воду окурок сигареты, и тот, описав в воздухе огненную дугу, с шипением гаснул, едва коснувшись воды.

— Но наступает такой час, — снова заговорил Эдуард Вильнер, — когда нашей единственной настоящей возлюбленной становится сама жизнь. Все это — и звезды, по поводу которых влюбленные парочки во все вре-

мена говорят одни и те же глупости; и листва деревьев; и камни, которые лежали тут, когда мы впервые открыли глаза, и по-прежнему будут лежать, когда мы навеки смежим очи; и комедия человеческого существования, этот бессмысленный, но чарующий нас балет, где мы все участвуем, всякий раз повторяя с новым волнением все ту же извечную пляску; это ощущение собственного «я», самого важного для нас в целом мире, присущая нам одним манера наклонять голову, полировать ногти, держать перо, проводить рукой по шелковой ткани или по женскому телу — все то, чего после нашей смерти не сыщешь ни в ком...

Лартуа, слушая собеседника, пристально смотрел на него и спрашивал себя: «Зачем он говорит мне все это? Может, у него возникло желание вступить в Академию? Или он проверяет на мне тираду из своей будущей пьесы? А может быть, и в самом деле чувствует приближение конца?»

— И пусть мы даже любили эту жизнь всеми фибрами своей души, властвовали над нею, познали все ее стороны, ежеминутно смотрели ей в глаза, проникали во все ее поры, — в тот день, когда эта негодяйка покинет нас, нам покажется, что мы так ничего в ней и не поняли. А она, — закончил Вильнер, указав своей большой дряблой рукой в сторону Жан-Ноэля, — она поселится вот у такого ветрогона, который будет понимать ее еще меньше, чем мы, и еще хуже, еще бездарнее станет ею пользоваться.

И во взгляде, который он бросил на юношу, сквозило смешанное выражение зависти и гнева, подобное тому, какое загорается в глазах бедняков, стоящих перед роскошной витриной.

Потом, без всякого перехода, драматург сказал:

— Вот, например, его сестра, эта маленькая лань, кажется мне очаровательной. Прелестная крошка: грациозная, деликатная... Надо бы с ней потанцевать.

— Вы еще танцуете? — удивился Лартуа.

— Мне нравятся эти мимолетные касания, — ответил Вильнер, отходя.

Возле окна лорд Пимроуз беседовал с Жан-Ноэлем, украдкой наблюдая за юношей. Он отметил про себя изящную форму его маленьких ушей, чуть удлинненный овал подбородка, тонкий прямой нос, красиво изогнутую линию рта. И каждый раз, когда их взгляды встречались, англичанин на мгновение терял нить разговора.

Жан-Ноэль испытывал в обществе лорда Пимроуза странное ощущение: это была не робость или неловкость, а какая-то смутная и довольно приятная неуверенность. Весь облик Пимроуза — его естественная элегантность, гибкая фигура, небрежно повязанный черный галстук, своеобразная манера отбрасывать падающую на лоб волнистую прядь волос или, разговаривая, прикладывая два пальца к виску — нравился Жан-Ноэлю и занимал его. Ему льстило, с каким вниманием лорд Пимроуз беседовал с ним.

Старый англичанин говорил, что он любит Париж и людей, которых здесь можно встретить. Да, без Парижа просто невозможно жить. Вот почему часть года он проводит во Франции, а другую — в Италии. Как?.. Жан-Ноэль не видел Италии? О, какая огромная радость ожидает его впереди! Он непременно должен побывать в Италии... You must, you must!..¹

— Если вы когда-нибудь попадете в Венецию или на остров Капри и я буду в это время там, — проговорил лорд Пимроуз, — непременно известите меня. Я всегда с большим удовольствием показываю любезные моему сердцу места любезным моему сердцу людям.

Он слегка наклонил голову и улыбнулся.

К ним подошла какая-то худая женщина, с довольно стройной фигурой, но с костлявыми руками, украшенными многочисленными кольцами, с глубокими впадинами у ключиц, в ожерелье из четырех рядов жем-

---

¹ Вы должны, вы должны (англ.).

чуга на тощей шее. Из-под маски пантеры, закрывавшей ее лицо, донесся иронический голос:

— Бэзил! Caro! Tu sei incorreggibile¹.

Лорд Пимроуз вздрогнул от неожиданности, но, узнав голос, впадины у ключиц и ожерелье, воскликнул:

— О, Лидия!.. How are you, my dear?²

Он представил Жан-Ноэля даме в маске пантеры, которая оказалась герцогиней де Сальвимонте.

— Дорогой друг, — вновь обратилась она к Пимроузу. — Грешно отвлекать от танцев таких красивых молодых людей. Ведь в их возрасте так естественно танцевать!.. Надеюсь, вы танцуете? — обратилась она к Жан-Ноэлю.

Она говорила со славянским акцентом, на каком бы языке ни изъяснялась, и это придавало ее речи необычные интонации.

Жан-Ноэль поклонился и пробормотал что-то похожее на приглашение.

— В таком случае не станем медлить, — проговорила герцогиня, подавая юноше руку.

— Anche tu sei incorreggibile!³ — едва слышно произнес лорд Пимроуз.

Танцуя с герцогиней, Жан-Ноэль не мог избавиться от ощущения, что держит в руках вязанку хвороста, но хвороста, пожираемого огнем. Сквозь прорези в маске его сверлили сверкающие глаза. Он толком не знал, о чем говорить со своей дамой.

— Лорд Пимроуз, кажется, обаятельный человек, — сказал он наконец.

— Бэзил? Un tesoro⁴. Он мой старый друг, и я обожаю его, — ответила герцогиня.

— А чем он занимается?

---

¹ Дорогой! Ты неисправим (*ит.*).

² Как поживаешь, моя дорогая? (*англ.*)

³ Ты тоже неисправима (*ит.*).

⁴ Сокровище (*ит.*).

— Чем он занимается, милый мальчик? Он очень богат и тратит свое состояние, вот и все. Кроме того, он написал какую-то книгу о мистике, в которой, должна признаться, я ничего не понимаю. Ведь для меня не существует божественной любви, ангельской любви, любви, которая происходит на небесах. Я ведь язычница. Мое единственное божество — любовь земная, творимая на земле людьми...

В это мгновение шнурок на ее маске развязался, и Жан-Ноэль вздрогнул, увидев лицо своей дамы. Она оказалась куда старше, чем он предполагал. Ей наверняка было лет семьдесят. Но это была не просто старая женщина, а странная, напористая, приводившая его в замешательство старуха.

Несколько лет назад, когда пластическая хирургия только еще делала первые робкие шаги, герцогине подтянули кожу на лице. От одного уха к другому под нижней челюстью у нее шла полоска тонкой, нездоровой желтоватой кожи, напоминавшая шрам от ожога. Однако нож хирурга не коснулся ни ее век, ни рта, ни глубоких складок на шее. И казалось, что ее лицо покрывает маска — маска обманчивой молодости, прикрепленная полосками липкого пластыря, — она начиналась на лбу, возле коротко остриженных волос цвета красного дерева, и заканчивалась над верхним рядом жемчужов ее ожерелья.

— Он, разумеется, уже пригласил вас в Италию? — спросила герцогиня. — Сама я не знаю, поеду ли туда до наступления зимы. Мне еще надо побывать в стольких странах. А к тому же я не в силах усидеть на одном месте больше двух недель и решаю, куда ехать, в самую последнюю минуту. Я всегда жду непредвиденного... Одно только непредвиденное и придает прятный вкус жизни, вы согласны со мной?..

Но Жан-Ноэль не слушал ее. Он смотрел на Инесс Сандоваль — та прощалась с группой гостей, собирав-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. БАЛ ЧУДОВИЩ	7
Глава II. РАЗРЫВ	66
Глава III. ВОЗРАСТ СТРАДАНИЙ	116
Глава IV. ВО ДВОРЦАХ ТРИАНОНА	223
Глава V. ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОГЛЕВ	311
Эпилог	334

Дрюон М.

Д 78 Свидание в аду : роман / Морис Дрюон ; пер. с фр. Я. Лесюка. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10959-9

Мориса Дрюона читающая публика знает прежде всего по саге «Проклятые короли», открывшей мрачные тайны Средневековья, и роману-трилогии «Конец людей», рассказывающей о закулисах современного общества, о закате династии финансистов и промышленников. Эта трилогия наиболее значительное произведение Дрюона, лауреата Гонкуровской премии.

Третий роман цикла называется «Свидание в аду». О богатстве и могуществе семьи Шудлер и де ла Моннери напоминают лишь громкие титулы и стосковавшийся по ремонту родового замка. В наследство Мари Анж и Жан Ноэлю достались не завещанные миллионы, а бремя дряхлеющего клана, бесхарактерность и малодушие. Как выдержать ад общения с любящими людьми? К тому же, по замечанию одного из героев романа, «каждый таит в себе свой собственный ад»...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

МОРИС ДРЮОН
СВИДАНИЕ В АДУ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректор Ирина Сологуб
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 20.01.2016.
Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 15,51. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

YVAK1899001R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01.

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors